МД10 788

МДІО 788

В. Чернышевъ.

ПИСЬМА

О СТАРОЙ И НОВОЙ ОРѲОГРАФІИ.

I—IV.

2044/6

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1904.

1²

МД10 788

В. Чернышевъ.

ПИСЬМА

О СТАРОЙ И НОВОЙ ОРѲОГРАФІИ.

I—IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1904.

2 экз.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Августъ 1904 г. За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Карпинскій.*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
965621

I. Въ чемъ состоитъ „упрощеніе“ русскаго правописанія.

Профессоръ А. С. Будиловичъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ майской книжкѣ текущаго 1904 года «Замѣтку» (см. стр. 419), направленную противъ измѣненій въ существующей орѳографіи, обсуждаемыхъ и предполагаемыхъ комиссіею при II-мъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, засѣдавшей 12 апрѣля 1904 года. Если не ошибаемся, А. С. Будиловичъ недоволенъ тѣмъ, что «Отдѣленіе, повидимому, весьма широко понимаетъ терминъ: «упрощеніе», подводя подъ него не только детальныя поправки въ существующемъ правописаніи, но и измѣненія въ самой его системѣ. Дѣйствительно, оно допускаетъ возможность устраненія изъ нашей азбуки цѣлаго ряда буквъ, притомъ не только второстепенныхъ, какъ *ѳ*, *і*, но и основныхъ, характерныхъ для нашей традиціонной графики, какъ *ъ*, *ь* . . . Легко видѣть, что при устраненіи послѣднихъ, наше правописаніе значительно передвинулось бы отъ системы исторической къ фонетической» (419 стр.).

Къ сожалѣнію, проф. А. С. Будиловичъ не объясняетъ, что онъ самъ разумѣетъ подъ терминомъ «упрощеніе». Не опредѣливши и не выяснивши вопроса съ своей точки зрѣнія, критикъ постановленія комиссіи, тѣмъ не менѣе, горячо протестуетъ противъ принятой реформы правописанія, особенно въ школѣ. При этомъ, вообще не различая строго литературу, языкъ и орѳографію, онъ высказываетъ рядъ мнѣній, которыя не подтверждаются фактами исторіи языка и правописанія и вызываютъ разныя не-

доумѣнія. Возраженія возбуждаютъ и взгляды А. С. Будиловича относительно неудобства примѣненія новаго правописанія къ школьному преподаванію.

Прежде всего остановимся на вопросѣ о томъ, что называть «упрощеніемъ» правописанія. Академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, въ рѣчи, сказанной въ засѣданіи комиссіи 12-го апрѣля, излагая принадлежащій ему и нѣкоторымъ его товарищамъ по Отдѣленію взглядъ на орѳографическій вопросъ, началъ съ того, что далъ ясное опредѣленіе тому, что въ данномъ случаѣ онъ разумѣетъ подъ терминомъ: «упрощеніе» орѳографіи. Это: устраненіе изъ правописанія «правилъ, которыя не основываются на фактахъ, существующихъ въ языкѣ, и не могутъ быть оправдываемы также какъ примѣненіе историческаго, или этимологическаго принципа орѳографіи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указываются практическою цѣлью правописанія». Затѣмъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ рядѣ примѣровъ пояснилъ опредѣленіе и задачу реформы орѳографіи, указавъ, что сюда относятся правила объ окончаніяхъ *ые*, *ыя*, объ употребленіи формъ *они*, *онъ*, объ употребленіи буквъ *ѳ*, двухъ *и*, *ъ*, *ь*. (См. «Извлеченіе изъ протокола комиссіи» въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» № 101).

О чемъ бы мы ни говорили, какъ только приходимъ къ спеціальнымъ отвлеченнымъ вопросамъ, мы должны опредѣлять свои термины и точки зрѣнія. Безъ этого трудно понимать другъ друга. А «упрощеніе», «реформа» орѳографіи и есть именно такой спеціальный вопросъ. Содержаніе реформы опредѣляется и выясняется не тѣмъ или другимъ словомъ, которымъ она названа, но кругомъ данныхъ, извѣстныхъ изъ большой литературы, посвященной этому предмету. Не академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ выдумалъ «реформу» правописанія, не онъ далъ содержаніе терминамъ «упрощеніе», «упорядоченіе», «реформа», которые обыкновенно употребляются одинъ вмѣсто другого: значеніе его заявленій 1) въ точномъ опредѣленіи и разъясненіи сущности вопроса, 2) въ признаніи научной состоятельности основныхъ положеній, выработанныхъ прежними поборниками «реформы» право-

писанія, 3) въ томъ, что онъ поднялъ свой авторитетный голосъ въ пользу полузабытыхъ интересовъ родного языка и учащихся дѣтей, для которыхъ наши педагоги, не обставленные надлежащими матеріальными и нравственными средствами, работаютъ часто гораздо менѣе успѣшно, чѣмъ можно желать и ожидать.

Опредѣленіе вопроса, данное академикомъ Фортунатовымъ, отнимаетъ всякую возможность непониманія или перетолковыванія дѣла. Если въ печати и появляются невѣжественныя сужденія, что комиссія стремится утвердить «безграмотность», что реформаторы хотятъ «испортить» русскій языкъ и т. п., то это только показываетъ, что пишущіе, въ данномъ случаѣ, не могутъ или не хотятъ понять, въ чемъ дѣло.

Но профессоръ А. С. Будиловичъ, конечно, прекрасно знаетъ, что опредѣленіе дѣло логики и вытекаетъ изъ фактовъ, къ которымъ относится; что опредѣленіе, данное Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, даже не выражаетъ того, въ какой степени онъ и нѣкоторые его товарищи по Отдѣленію желаютъ орѳографической реформы; что безпристрастная критика не должна придавать терминамъ, которые употреблены въ опредѣленномъ смыслѣ, своего и произвольнаго значенія, но должна исходить изъ опредѣленій, данныхъ тѣмъ, кого критикуютъ.

И тѣмъ не менѣе, проф. А. С. Будиловичъ придаетъ въ своей «Замѣткѣ» термину «упрощеніе» такой смыслъ, какого не придавали этому термину не только Ф. Ѳ. Фортунатовъ и его товарищи по Отдѣленію, но и гораздо менѣе ученые поборники измѣненія правописанія. На стр. 421 критикъ реформы правописанія говоритъ: «заставлять людей образованныхъ писать безграмотно, въ интересѣ недоучекъ, — значило бы сбиваться въ какое-то, своего рода, декадентство»... Въ выписанной нами фразѣ три погрѣшности противъ дѣйствительнаго положенія дѣла и теоріи его: 1) участникамъ комиссіи извѣстно, что никто не имѣетъ въ виду «заставлять» людей образованныхъ писать по новой орѳографіи, 2) новую орѳографію предполагается вводить вовсе не въ интересѣ недоучекъ, но въ интересѣ тѣхъ, которые еще

ничему не учились: изъ нихъ будетъ, какъ всегда, много и недоучекъ, но будутъ — мы вѣримъ въ это — и большіе ученые и писатели, какъ Востоковъ, Буслаевъ, Менделѣевъ, Бѣлинскій и подобн., 3) письмо по другой орѳографіи не есть «безграмотность», точно такъ же, какъ письмо однимъ, а не другимъ шрифтомъ не показываетъ неумѣнья писать. Нельзя не считаться съ различными взглядами на дѣло. Напр., съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ покойный А. А. Потебня, и письмо «Вѣстника Европы», и письмо А. С. Будиловича будутъ не вполнѣ грамотными. Также очень многіе изъ весьма образованныхъ русскихъ людей, многія современныя печатныя изданія окажутся не совсѣмъ удовлетворительными по орѳографіи, если «грамотностью» считать точное слѣдованіе «Руководству» Я. К. Грота. Это, напримѣръ, указано Казанскимъ Педагогическимъ обществомъ относительно изданій Академіи Наукъ.

Еще болѣе неправильно понимается проф. Будиловичемъ терминъ «упрощеніе», когда онъ, высказываясь, что долгъ школы учить русскому письму и языку, не обращая вниманія на трудности, говоритъ: «Вѣдь и въ другихъ наукахъ есть свои трудности; однако никому не пришло еще въ голову для облегченія, напр., географіи уничтожить нѣсколько рѣкъ, или въ астрономіи — нѣсколько созвѣздій, а въ химіи—нѣсколько элементовъ»... (стр. 421). Но академикъ Фортунатовъ ясно высказался, что онъ считаетъ возможнымъ устранить изъ письма нѣкоторыя буквы и правила совсѣмъ не потому, что онѣ трудны въ своемъ примѣненіи, а потому, что онѣ потеряли грамматическій смыслъ (или даже никогда его не имѣли). Критикъ приписываетъ поборникамъ реформы мнѣнія, какихъ ни у кого не было, и затѣмъ опровергаетъ эти мнѣнія.

Напрасно также проф. Будиловичъ думаетъ, что содержаніе географіи или другихъ наукъ всегда остается постояннымъ: по измѣняющимся даннымъ науки, по педагогическимъ соображеніямъ многіе факты, понятія выбрасываются изъ учебнаго обихода, многіе вводятся вновь. Иначе въ современной орнитологіи

пришлось бы говорить о птицѣ «сиренъ, гласъ которой въ пѣніи вельми силенъ», въ народовѣдѣніи — объ амазонкахъ, кентаврахъ, песиголовцахъ, въ ботаникѣ — о плакунъ-травѣ, которая всѣмъ травамъ мати, и т. п. Во времена Ломоносова и послѣ него школьники учились различать въ глаголѣ 5 прошедшихъ временъ: 1) прошедшее неопредѣленное (я вертѣлъ), 2) прошедшее однократное (я вернулъ), 3) давно прошедшее первое (я вертывалъ), 4) давно прошедшее второе (я бывало вертѣлъ), 5) давно прошедшее третіе (я бывало вертывалъ); также 3 наклоненія: 1) учащательное (вертѣть), 2) однократное (вернуть), 3) сомнѣнное (вертывать)*). Теперь это выброшено изъ грамматики. Академикъ Фортунатовъ указалъ, что въ русскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ того большого числа залоговъ, которое различается нашими грамматиками, и учебники, какъ напр. «Этимологія» проф. Будде, уничтожаютъ нѣсколько залоговъ. Даже въ области религіознаго образованія, гдѣ вообще преданіе является священнымъ, еще давно допускались у насъ крупныя перемѣны. Обширный катихизисъ митрополита Платона замѣняется болѣе сжатымъ катихизисомъ Филарета и при томъ, въ 1-мъ изданіи, съ текстами священнаго писанія въ русскомъ переводѣ. При большомъ катихизисѣ существуетъ самый маленькій: «Начатки православнаго христіанскаго ученія». Какъ легко было нападать тогда на эти нововведенія: можно бы говорить, что «Начатки» уничтожаютъ нѣкоторые догматы православнаго христіанства, такъ-какъ не говорятъ о нихъ! Сколько защитниковъ имѣлъ славянскій языкъ въ тѣ времена, если и теперь проф. Будиловичъ считаетъ нужнымъ обратить особое вниманіе на то, что Ломоносовъ настойчиво внушалъ необходимость изученія церковно-славянскаго языка (стр. 420), хотя Ломоносовъ и не могъ рекомендовать никакихъ другихъ книгъ для чтенія, такъ-какъ ихъ тогда еще не было.

---

*) См. Грамматику Ломоносова § 396.

II. Можно ли производить эксперименты въ школѣ?

Намъ кажется, что на такой вопросъ нельзя отвѣтить иначе какъ положительно. Вѣдь всякая перемѣна въ методѣ ученія, въ пріемахъ преподаванія, въ содержаніи учебнаго курса есть не что иное, какъ экспериментъ. Какъ только создастся новая теорія учебнаго дѣла, такъ является необходимость примѣнить ее къ практикѣ этого дѣла. Эта практика опредѣлитъ то, что́ должно войти въ учебный обиходъ и какъ должно войти. Какъ только измѣнятся взгляды въ какой-нибудь наукѣ, входящей въ школьные курсы, такъ тоже является необходимость измѣнять, сообразно съ вновь выработанными взглядами, эти курсы. Все это эксперименты. Если школу не считать мѣстомъ экспериментовъ, то нельзя даже будетъ ввести новаго учебника, такъ-какъ только посредствомъ опыта можно окончательно опредѣлить его пригодность или непригодность. Всѣ замѣчательныя улучшенія въ области школьнаго преподаванія были въ свое время реформами, имѣли горячихъ сторонниковъ и не менѣе горячихъ враговъ, вводились въ школу какъ эксперименты и оцѣнивались окончательно путемъ практики. Обученіе чтенію по звуковому методу, введеніе наглядnаго обученія, отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ школѣ — все это были эксперименты. Они и подобные имъ подняли современную школу на ту высоту, на которой она теперь стоитъ. При томъ исторія школьнаго дѣла показываетъ, что въ практику школы болѣе или менѣе свободно входили и такіе эксперименты, которые

въ концѣ концовъ не выдержали критики и должны были сойти со сцены. Такъ было, напр., съ много нашумѣвшей въ свое время системой «Ланкастерскихъ взаимныхъ обученій», такъ было съ обученіемъ ариѳметикѣ по методу Грубе, недавно оставленному, но долго господствовавшему у насъ и въ Германіи. Такихъ ошибокъ избѣжать нельзя: педагоги не оракулы и могутъ только соображать, но не предсказывать.

Если бы не допускалось экспериментовъ, то въ нашихъ школахъ были бы такіе грамотеи, которые выходили изъ рукъ Кутейкина, и такіе математики, которые учились у Цыфиркина, всѣ книги учились бы наизусть и т. п.

Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніями, которыя высказывались въ печати, о томъ, что невозможно вводить въ школу новое правописаніе, такъ-какъ это будетъ экспериментомъ, не провѣреннымъ на практикѣ.

Самая формулировка вопроса не удовлетворитъ многихъ, такъ-какъ она безъ труда сводится къ слѣдующему: нельзя допускать въ практику, пока это не провѣрено на практикѣ.

III. Легко или трудно изучить употребленіе буквы ѣ?

Въ числѣ доводовъ, которые приводятъ противъ измѣненія принятой орѳографіи, въ печати и обществѣ иногда высказывается мнѣніе, что научиться писать, гдѣ слѣдуетъ, букву *ѣ* вовсе не трудно. Такое мнѣніе высказывалъ, напр., г. Де-Муанъ въ газетѣ «Русь» № 140, заявлявшій, что онъ, всегда интересуясь дѣломъ обученія, въ тетрадяхъ учениковъ «менѣе всего находилъ ошибки на букву *ѣ*», на что редакція сочла необходимымъ замѣтить, что она въ этомъ дѣлѣ желаетъ слышать голосъ людей, которые работаютъ съ дѣтьми, а не только интересуются ими.

Подобное же мнѣніе, о легкости изученія употребленія буквы *ѣ*, высказывается и редакціей журнала «Вѣстникъ Европы» въ замѣткѣ, прибавленной къ статьѣ А. С. Будиловича, въ которыхъ выражаются категорическіе протесты противъ введенія въ практику орѳографіи безъ лишнихъ буквъ, принятой коммиссіею, засѣдавшею 12-го апрѣля. «Кто близко знакомъ съ класснымъ обученіемъ въ начальной школѣ», говорится въ этой замѣткѣ, «тотъ хорошо знаетъ, что вовсе не буква *ѣ* составляетъ при этомъ затрудненіе — она усвоивается преимущественно зрительнымъ путемъ, путемъ чтенія; болѣе затруднительно — объяснять въ этомъ возрастѣ учащемуся необходимость въ словѣ выговаривать, напримѣръ, *о*, а писать *г* (второ*во* — второ*го*), или: *а*, а писать *о* (к*а*торый — к*о*торый); въ письмѣ учащихся *ѣ* подаетъ поводъ къ небольшому проценту ошибокъ, и въ начальныхъ училищахъ, въ глазахъ сколько-нибудь разумныхъ педагоговъ, вовсе не имѣетъ

рѣшающаго значенія для оцѣнки успѣховъ учащихся» (май, 1904, стр. 422).

«Кто знаетъ школу, тотъ....» Это полемическій пріемъ изъ очень сильныхъ. Онъ утверждаетъ извѣстное положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ обличаетъ въ незнаніи дѣла всѣхъ несогласныхъ съ этимъ положеніемъ. Употребляющіе пріемъ: «Кто знаетъ..., тотъ...» уже почти прекращаютъ обмѣнъ мнѣній съ противной стороной, потому что нѣтъ никакого смысла спорить съ людьми, которыхъ мы считаемъ незнающими того, о чемъ они говорятъ, и которыхъ на столько не щадимъ и не уважаемъ, что говоримъ имъ не о промахахъ или заблужденіяхъ, свойственныхъ всѣмъ людямъ, но о полномъ незнаніи дѣла, что, впрочемъ, бываетъ такъ же рѣдко, какъ и безусловное, непогрѣшимое знаніе. Но діалектическій пріемъ: «Кто знаетъ..., тотъ...» также опасный пріемъ, такъ-какъ можетъ привести сразу къ двумъ ошибкамъ: при шаткости основного положенія, обнаружится промахъ и въ условномъ: «Кто знаетъ...»

Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ данный пріемъ неудачно употребленъ въ приведенной замѣткѣ.

Приведу свои доказательства, стараясь не поднимать длинныхъ и сложныхъ споровъ о трудности или легкости изученія употребленія буквы *ъ*. Соглашусь съ тѣмъ положеніемъ редакціи, что буква *ъ* «усвоивается преимущественно зрительнымъ путемъ, путемъ чтенія». Но, вопервыхъ, у многихъ субъектовъ зрительная память не особенно крѣпка — иначе большинство прекрасно бы чертило и рисовало, — и для нихъ изучить орѳографію буквы *ъ* при этомъ методѣ ученія будетъ очень трудно. Вовторыхъ, изучать зрительнымъ путемъ букву *ъ* удобно только въ корняхъ словъ: изучать зрѣніемъ окончанія съ буквою *ъ* было бы огромнымъ и неразсчетливымъ трудомъ, такъ-какъ употребленіе буквы *ъ* въ окончаніяхъ опредѣляется сравнительно небольшимъ числомъ правилъ, которыя не особенно трудны и довольно послѣдовательны. Между тѣмъ въ данной редакціонной замѣткѣ признается затруднительнымъ объяснять учащемуся млад-

шаго возраста орѳографическія правила, основанныя на традиціи, какъ употребленіе *г* въ окончаніи ого (второго) или *о* въ который, т. е. такія правила, къ виду которыхъ принадлежатъ и правила о буквѣ *ъ*. Втретьихъ: въ существующей орѳографіи имѣется много случаевъ, гдѣ недостаточно запомнить написаніе съ буквою *ъ* на глазъ, но нужно понимать его съ грамматической стороны. Положимъ, учащійся усвоилъ зрительнымъ путемъ начертанія: *мѣлъ, въ полѣ, свѣжее, видѣлъ, терпѣніе* и т. п., но это знаніе приведетъ его къ ошибкамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно писать: *мелъ, въ поле, свѣжее, е* въ окончаніяхъ *елъ (киселъ)* и *еніе (рѣшеніе)*. Опять является необходимость объяснять употребленіе буквы *ъ*, указывая на произношеніе, падежныя, родовыя и другія значенія грамматическихъ формъ, окажется нужда прибѣгать къ объясненію производства реченій; словомъ, и здѣсь нельзя будетъ обойтись безъ орѳографическихъ правилъ, нелегкихъ для усвоенія по отвлеченности, большому числу и непослѣдовательности.

Значительное число и непослѣдовательность правилъ употребленія буквы *ъ* заставляютъ считать изученіе ея употребленія весьма трудной частью нашего правописанія. Такъ думаютъ многіе ученые, начиная съ Ломоносова, замѣчавшаго, не безъ сожалѣнія, что для «многочисленныхъ» написаній съ буквою *ъ* «никакихъ правилъ показать нельзя, кромѣ твердаго ученія грамматѣ и прилѣжнаго книгъ чтенія» (Грамматика § 117 и предыдущій) и кончая академикомъ А. И. Соболевскимъ, который считаетъ употребленіе буквы *ъ* «одною изъ труднѣйшихъ частностей нашего правописанія» (Лекціи по исторіи русскаго языка, Спб. 1891, стр. 69).

Такого же мнѣнія — на основаніи практики обученія — держатся и многіе педагоги, которымъ никакъ нельзя отказать въ близкомъ знаніи школы. Въ 1862 году В. Я. Стоюнинъ предлагалъ на орѳографическихъ собраніяхъ при 2-ой гимназіи писать *е* вм. *ъ* въ такихъ словахъ, «этимологія которыхъ неясна, сомнительна или забыта» (лекарь, телега, песокъ и подобн.), и при этомъ

замѣчалъ: «Чѣмъ меньше будетъ число словъ съ буквой нелюбимой, ненавистной, вражеской для учащихся и для многихъ выучившихся..., тѣмъ лучше. Многіе сказали бы слава Богу и даже отслужили бы благодарственный молебенъ, если бы можно было ее совсѣмъ уничтожить» («Учитель» 1862 г., стр. 268).

В. П. Шереметевскій видѣлъ большое облегченіе для изученія правописанія въ уничтоженіи буквы *ѣ* даже только въ 5 собственныхъ именахъ (Алексѣй, Матвѣй и др.) и слѣдующимъ образомъ возражалъ на предполагаемое замѣчаніе, что заучить 5 словъ съ буквою *ѣ* очень нетрудно: «Подобное замѣчаніе для спеціалиста практика крайне легкомысленно, ибо память учащихся не мѣшокъ, что положатъ, то и несетъ; въ памяти будутъ путаться заученныя пять именъ съ другими 25 сходными по формѣ именами (въ календарѣ насчитали мы всѣхъ такихъ именъ муж. рода до 30-ти); главное же — памяти и безъ того предстоитъ усвоить до 130 коренныхъ словъ (см. Кратк. учебникъ Поливанова) съ буквою *ѣ*; нечего и говорить уже о производныхъ» («Къ вопросу о единообразіи въ орѳографіи», М. 1891, стр. 59).

К. Д. Ушинскій усвоеніе употребленія буквы *ѣ* считалъ «капитальной трудностью русскаго правописанія» (Руководство къ преподаванію по «Родному слову», ч. II, Спб. 1873, стр. 29).

IV. О разумныхъ и неразумныхъ педагогахъ.

Говорятъ, что существующая орѳографія не особенно трудна, если преподаетъ ее разумный учитель, вполнѣ умѣющій отличить важное отъ неважнаго и правильно установить, во всякомъ случаѣ, тотъ размѣръ требованій, который вполнѣ соотвѣтствуетъ возрасту учащагося, объему и цѣли курса русскаго языка.

Необходимость орѳографической терпимости въ отношеніи къ двоякимъ написаніямъ и въ отношеніи къ затрудняющимъ учащихся, но не особенно важнымъ правиламъ правописанія давно уже выяснена покойнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Въ «Филологическихъ разысканіяхъ» (Спб. 1876, т. II, стр. 177 и дал.) онъ писалъ: «Какъ ни разумно требованіе единообразія въ правописаніи, это требованіе не должно быть безусловно. Надобно умѣть различать важныя разногласія отъ неважныхъ. Несоблюденіе этого правила уже не разъ было причиною слишкомъ строгихъ оцѣнокъ и несправедливыхъ взысканій въ школѣ. Всѣмъ, и особенно экзаминаторамъ, полезно было бы помнить замѣчаніе... Французской академіи: «Въ бо́льшей части языковъ правописаніе не такъ твердо установлено, чтобы не было многихъ словъ, которыя могутъ быть написаны двумя разными, но одинаково хорошими способами, при чемъ случается, что одинъ изъ нихъ менѣе другого употребителенъ, но также не заслуживаетъ осужденія». Положительныя ошибки не должны быть терпимы, грубыя заслуживаютъ строгаго осужденія, но если ученикъ напишетъ напр. *свѣденіе* вм. *свѣдѣніе*, *жолтый* вм. *желтый*,

возрасло вм. *возросло*, *лице* вм. *лицо*, то разсудительный учитель конечно не вмѣнитъ ему въ преступленіе такихъ начертаній. Важно только, чтобы пишущій умѣлъ отдавать отчетъ въ томъ, что онъ пишетъ. Если его основаніе неправильно, то пусть ему объяснятъ это, но всякая сознательная причина имѣетъ право на вниманіе. Итакъ, требуя въ правописаніи единообразія и стремясь къ нему, будемъ однакожъ остерегаться педантизма, который во всякомъ частномъ и мелочномъ отступленіи отъ принятыхъ нами начертаній видитъ грамматическую ересь и непростительное невѣжество».

Въ наше время подобное мнѣніе о педагогической разсудительности повторяется редакціею «Вѣстника Европы», которая говоритъ, что буква *ѣ* «въ начальныхъ училищахъ, въ глазахъ сколько-нибудь разумныхъ педагоговъ, вовсе не имѣетъ рѣшающаго значенія для оцѣнки успѣховъ учащихся» (Вѣстникъ Европы, май, 1904, стр. 422).

Если нѣкоторымъ педагогамъ полезно напомнить «золотыя», по выраженію покойнаго В. П. Шереметевскаго, слова Грота, то къ словамъ «Вѣстника Европы» необходимо прибавить нѣсколько ограничивающихъ ихъ значеніе замѣчаній.

Прежде всего напрашиваются на сопоставленіе положенія, которыя высказываются почтеннымъ журналомъ о буквѣ *ѣ:* 1) букву *ѣ* никакъ нельзя уничтожить, 2) усвоеніе буквы *ѣ* въ начальной школѣ не представляетъ затрудненій, 3) разумный педагогъ (даже и не совсѣмъ разумный, а разумный «сколько-нибудь») не будетъ требовательнымъ къ учащемуся по отношенію къ умѣнью ставить букву *ѣ*. Но если буква *ѣ* такъ священна, если усвояется она легко, то почему же педагогъ долженъ быть нетребовательнымъ при оцѣнкѣ тѣхъ работъ учениковъ, въ которыхъ обнаруживается неумѣніе употреблять, гдѣ слѣдуетъ, эту букву? Мы полагаемъ, что подобной терпимости можно было бы ожидать только отъ педагоговъ, которые держатся на существующую орѳографію взглядовъ, сходныхъ со взглядами сторонниковъ реформы.

Потомъ, если педагоги будутъ предъявлять незначительныя требованія къ орѳографіи учащихся въ начальныхъ училищахъ, то 1) орѳографія будетъ служить тѣмъ новымъ барьеромъ, который стоитъ между низшей и средней школой, 2) многіе учащіеся могутъ остаться малограмотными навсегда, такъ-какъ по мнѣнію весьма свѣдущихъ педагоговъ орѳографія должна усвоиваться въ первые годы ученія и служить предметомъ заботъ преподавателя съ самыхъ первыхъ шаговъ обученія. Вотъ, напр., что говоритъ объ этомъ К. Д. Ушинскій: «Грамматическая правильность письменнаго языка достигается... въ первые годы ученья, когда человѣкомъ легко и удобно усвоиваются тѣ многочисленныя привычки и навыки, которые составляютъ основу правильной рѣчи и правильнаго письма. Грамматическая правильность рѣчи изустной и письменной есть не только знаніе, но и привычка, или лучше сказать, очень сложная и обширная система мелочныхъ навыковъ выражать свои мысли правильно въ рѣчи и на письмѣ. Для грамотности мало того, чтобы человѣкъ зналъ грамматическія правила (а ихъ множество); но необходимо, чтобы онъ привыкъ мгновенно выполнять ихъ. Привычки же, и въ особенности такія мелочныя и сложныя, пріобрѣтаются успѣшно и укореняются глубоко только въ самой ранней молодости. Если мы не выучили мальчика говорить и писать правильно до 12 или 13 лѣтъ *), то можемъ быть увѣрены, что грамматическія ошибки будутъ повторяться у него очень и очень долго, можетъ быть, даже и во всю его жизнь, и *будутъ повторяться тѣмъ дольше и тѣмъ упорнѣе, чѣмъ дѣятельнѣе духовная природа этого человѣка* (курсивъ въ текстѣ. К. Ушинскій, Руководство къ преподаванію по «Родному слову», ч. II, Спб. 1873, стр. 6).

Наконецъ, мы не согласны и съ тѣмъ, чтобы то или другое отношеніе къ орѳографіи было хорошимъ пробнымъ камнемъ разумности. Если считать неразумными всѣхъ требовательныхъ

*) К. Д. Ушинскій опредѣляетъ первые три года ученія возрастомъ до 12 лѣтъ.

педагоговъ, то списокъ ихъ будетъ слишкомъ великъ и не совсѣмъ хорошо составленъ. Есть люди сердца, любви, милости, которые являются снисходительными при всякихъ личныхъ взглядахъ; и есть люди отвлеченныхъ идей, долга, которые требовательны тоже при всякихъ взглядахъ. Можетъ быть убѣжденіе въ важности знанія орѳографіи: если оно и не совсѣмъ основательно, то все же заслуживаетъ терпимости и не даетъ намъ права отрицать у людей разумность. Можетъ быть снисхожденіе къ плохой орѳографіи по установившимся при извѣстныхъ условіяхъ взглядамъ или по разсчету. Напр., въ Петербургѣ относятся снисходительнѣе къ орѳографіи, чѣмъ въ Москвѣ; въ частныхъ случаяхъ нѣкоторые педагоги не требовательны къ орѳографіи потому, что очень дорожатъ симпатіями учениковъ и ихъ родителей. Намъ кажется, что все это нужно имѣть въ виду, когда мы судимъ педагоговъ. Нельзя также забывать и о томъ, что педагогъ обыкновенно руководствуется оффиціальными требованіями, что школа для него не свое хозяйство, гдѣ онъ можетъ дѣлать то, что ему угодно. Потому гораздо справедливѣе и практичнѣе переносить подобныя педагогическія сужденія съ личности учителя на самые вопросы, которые сдѣлались предметомъ такого сужденія.

Что же касается до обученія современной орѳографіи, то очевидно, что при шаткости тѣхъ основъ, на которыхъ она покоится, педагоги до сихъ поръ не сошлись во взглядахъ на основные вопросы ея усвоенія: въ какомъ возрастѣ ее изучать? въ какомъ объемѣ? по какому методу? что въ ней считать важнымъ и что неважнымъ? и подобн.

Тамъ, гдѣ само дѣло не даетъ достаточныхъ основаній для яснаго рѣшенія вопросовъ и гдѣ мы говоримъ: «вопросъ этотъ не затруднитъ при разрѣшеніи, если за него возьмется человѣкъ разсудительный», — тамъ всегда возможны разногласія, ошибки, произволъ — все явленія нежелательныя.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА